

К вопросу об определении понятия «перевод»

Как прекрасно известно всем, кто занимается теорией перевода, среди специалистов нет единого, более или менее устраивающего всех взгляда на то, что составляет самый предмет переводоведения, – на сущность перевода. Э.-А. Гутт указывает на то, что «историю теории перевода можно представить как обсуждение различных значений слова “перевод”»¹. И действительно, если сравнить определения перевода из разных эпох, можно увидеть, как со сменой доминирующих научных течений, а в какой-то степени и под влиянием научной моды менялись подходы к определению центрального понятия переводоведения.

Так, попытки подвести под теорию перевода структурно-лингвистическую основу привели к возникновению, например, таких определений: «Переводом называется процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, то есть значения»². Влияние теории информации заметно в следующем определении И. Левого: «Перевод есть передача информации, точнее сказать переводчик дешифрует информацию оригинального автора, содержащуюся в тексте его произведения, перевыражая (вновь зашифровывая) ее в системе своего языка, а информацию, содержащуюся в его тексте, вновь декодирует читатель перевода»³. На более современном этапе увлечение дескриптивным подходом и перенос основного внимания с отношений между оригиналом и переводом на сам перевод как объект исследования привело, по словам Э. Честермана, к тому, что «перевод понимается так, как его понимает культура данного переводящего языка в данный период времени»⁴. Например, Б. Хатим и Д. Манди определяют письменный перевод как «1. Процесс переноса письменного текста из ИЯ в ПЯ, осуществлённый переводчиком или переводчиками в специфическом социокультурном контексте. 2. Письменный продукт, или ТП, полученный в результате этого процесса и функционирующий в социокультурном контексте ПЯ. 3. Когнитивные, языковые, визуальные, культурные и идеологические явления, представляющие собой неотъемлемую часть 1 и 2»⁵.

Здесь уместно сделать небольшое отступление и ответить на возможный вопрос скептика: «А какая, собственно, разница?» Зачем вообще посвящать столько внимания определениям, если все мы прекрасно понимаем, что такое перевод, и никаких Америк тут не предвидится? Действительно, для обиходного, бытового представления о переводе уже существующих определений хватит с избытком. Но переводовед, на наш взгляд, должен в этом отношении быть педантом, поскольку принимаемое за основу определение перевода представляет собой фундамент для всех дальнейших постулатов о более частных вопросах теории и – что немаловажно – практики перевода.

Возьмем, к примеру, определение Л.С. Бархударова. Если присмотреться, можно прийти к выводу, что в нем как будто содержится мысль о достижимой безупречности перевода: получается, можно перевести так, чтобы в тексте перевода (ТП) план содержания текста оригинала (ТО) сохранился в неизменном виде. Неудивительно, что

¹ Gutt E.-A. Pragmatic Aspects of Translation: Some Relevance-Theory Observations // The Pragmatics of Translation / Ed. by Leo Hickey / Topics in Translation: 12. – Clevedon, Philadelphia, Toronto, Sydney, Johannesburg: Multilingual Matters Ltd., 1998. – p. 47 (цитируется высказывание Л. Зёлля). Здесь и далее перевод иноязычных цитат выполнен автором статьи.

² Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: Междунар. отношения, 1975. – p. 11.

³ Левый И. Искусство перевода. – М.: Прогресс, 1974. – С. 49.

⁴ Chesterman A. Memes of Translation: The Spread of Ideas in Translation Theory. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1997. – p. 37.

⁵ Hatim B., Munday J. Translation: An Advanced Resource Book. – London: Routledge, 2004. – p. 6.

исследователь делает оговорку о том, что такого в принципе не бывает: «...О сохранении неизменного значения можно говорить лишь в относительном смысле, имея в виду лишь максимально возможную полноту передачи значений»⁶. Но, таким образом, определение изначально не соответствует тому, что сам ученый под ним понимает, и применить его к конкретным переводам можно только с рядом оговорок.

Тот же недостаток можно заметить в определении И. Левого: из него вытекает заведомо ложное представление о том, что если переводчик работает умело, то ТО дойдет до читателя ТП без каких-либо искажений – все дело лишь в правильном шифре (ключе).

Как нам представляется, если и стоит предлагать какое-либо новое определение перевода, то только такое, которое изначально не было бы идеализированным и оторванным от жизни.

Четкая позиция по вопросу о сущности перевода важна и в тех случаях, когда речь заходит о непереводаемости. Пишут – а тем более говорят – о непереводаемости много: у любителей признаться «поп-переводоведением» эта тема неизменно в фаворе. Рецепт прост: берется слово иностранного или родного языка (лучше редкое, еще лучше – с культурными ассоциациями, совсем хорошо – из арсенала какого-нибудь литератора), прочитывается лекция о его многочисленных значениях (нюансах употребления, упоминаниях в письмах литератора к своей бабушке) и с небрежно-усталой усмешкой резюмируется: «Непереводимо». Ахи, охи, закаленные глаза и понимающие взгляды.

Однако возникает вопрос: «Есть ли тогда в языке хоть что-то переводимое?» Ведь выразить весь спектр значений, стиливых и экспрессивно-оценочных свойств, культурных ассоциаций, этимологических особенностей и проч., и проч. слова на одном языке никаким одним словом на любом другом языке нельзя. Позволим себе даже сформулировать в этой связи одну максиму, которую, думается, трудно будет опровергнуть: «В зависимости от контекста любое слово одного языка может быть передано абсолютно любым словом другого языка». И это неслучайно: одно и то же языковое явление может поворачиваться в тексте бесчисленными сторонами и выполнять разнообразнейшие функции.

Таким образом, логичное начало и конец любого разговора о непереводаемости – вопрос о самом понимании перевода. Если принять за основу идеалистическое определение (типа «в переводе передается всё-всё-всё»), то следует прийти к выводу, что перевод невозможен в принципе и зайти в (методологический) тупик. В противном случае выяснится, что непереводаемого в переводе гораздо меньше, чем кажется.

Одним из главных вопросов в дебатах о природе перевода остается следующий: должен или нет в его определении фигурировать качественный момент? Может ли определение содержать в себе требования к переводу, указания на то, что из себя должен представлять хороший перевод или же определение должно подходить ко всем без исключения переводам вне зависимости от их качественного уровня? Многие современные исследователи высказываются за «бескачественное» определение. Например, В.В. Сдобников и О.В. Петрова отмечают: «...Несомненным недостатком ранних определений перевода можно считать то, что... всякое подобное определение является не определением “перевода вообще”, а определением качественного, хорошего перевода»⁷.

С одной стороны, такой подход логичен: строго говоря, и плохой перевод является переводом, а значит, должен подпадать под предлагаемое определение, поскольку вряд ли возможно убедить теоретиков и практиков перевода называть плохие и посредственные переводы не переводами, а каким-либо другим термином. С другой стороны, не стоит забывать о том, что любая дефиниция, определяющая некое понятие с точки зрения его

⁶ Бархударов Л.С. Указ. соч. – С. 71.

⁷ Сдобников В.В., Петрова О.В.. Теория перевода. – М.: АСТ: Восток-Запад; Владимир: ВКТ, 2008. – С. 87.

функции, обязана быть качественной. Так, думается, никого не смутит следующее определение понятия «автомобиль» – «самоходная машина с двигателем внутреннего сгорания для перевозки пассажиров и грузов по безрельсовым дорогам»⁸. Однако, если присмотреться, это тоже дефиниция не «автомобиля вообще», а «качественного, хорошего автомобиля», поскольку она отказывает в звании автомобиля всем агрегатам, не способным перевозить пассажиров и грузы, даже если их производитель или потенциальный пользователь считает их таковыми.

Э. Честерман, продолжая излагать взгляды переводоведов-дескриптивистов (к числу которых относится и он сам), указывает: «Таким образом, перевод – это любой текст, который в данной культуре считается переводом, даже если это “плохой” перевод... Некоторые исследователи считают такое отношение к понятию “эквивалентность” несколько пренебрежительным, но зато оно реалистично и прагматично и благодаря ему понятие “перевод” можно распространить на гораздо большее число текстов»⁹.

Мы не будем касаться понятия эквивалентности, которое, судя по многим работам, в англоязычной переводоведческой литературе стало ассоциироваться с чем-то безнадежно отсталым и антинаучным, но подвергнем сомнению постулат о том, что вышеизложенный подход реалистичен. Определение перевода не от содержания ТП и не от его отношения к ТУ, а от восприятия в культуре переводящего языка (ПЯ) неудобно, во-первых, тем, что делает невозможным квалификацию переводов, по тем или иным соображениям издававшихся без указания автора или под видом оригинальных произведений на ПЯ. Исходя из подобного определения, их необходимо априори считать «непереводами», даже если сопоставительный анализ однозначно указывает на то, что произведение на ПЯ создавалось в полном соответствии с характеристиками текста на ИЯ.

Во-вторых, непонятно, как в принципе отличить неопубликованный и не получивший известности перевод от переделки, или, используя термин В.Н. Комиссарова, результата адаптивного транскодирования, ведь, например, на этапе принятия решения о публикации текста еще невозможно судить об общекультурной реакции на него. Подход Г. Тури, предполагающий «отказ от априорных суждений о том, что представляет собой перевод, что он должен собой представлять и в каких отношениях он должен находиться к оригиналу»¹⁰, возможно, хорош для кабинетного ученого, интересующегося переводом исключительно с теоретических позиций, но совершенно неприемлем для заказчика или редактора переводов.

И тем более невозможно руководствоваться дескриптивным определением преподавателю перевода, если только его педагогическая деятельность не сводится к одинаковому одобрению любых ответов и вариантов. Применять дескриптивный подход к оценке работ людей, пока объективно не обладающих профессиональными знаниями, умениями и навыками, – значит низводить перевод до уровня дилетантского бытового занятия вроде пения в ванной, а переводоведение – до уровня соцопросов.

Строго говоря, даже опубликованный художественный перевод – не говоря уже о, например, имеющем внутриведомственное хождение переводе документа – нельзя оценивать с точки зрения реакции на него всех носителей культуры ПЯ. В любом случае знать о существовании некоего перевода и считать его таковым будет лишь ограниченное и подчас весьма малое число людей. Поэтому, думается, Э. Честерман, излагая взгляды дескриптивистов, на самом деле имеет в виду не совсем то, что говорит: видимо, переводом предлагается называть не «любой текст, который в данной культуре **считается** переводом», а любой текст, который в данной культуре **может считаться** переводом.

⁸ Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2000. – С. 27.

⁹ Chesterman A. Указ соч. – С. 37.

¹⁰ Routledge Encyclopedia of Translation Studies / Ed. by Mona Baker. – London, New York: Routledge, 2001. – p. 163.

В какой-то степени этот вывод подкрепляет следующий пассаж: «Так значит, переводом может быть все что угодно? Конечно, нет. Тури... предлагает три условия, или «постулата», без наличия которых мы не можем с полным основанием назвать некий текст переводом. Эти условия заключаются в том, что а) существует или существовал текст оригинала, т.е. другой лингвистический продукт, созданный, как правило, на другом языке; б) наш предполагаемый перевод получился из текста оригинала путем переноса и в) между текстом оригинала и текстом перевода существуют интертекстуальные отношения»¹¹.

Далее Честерман справедливо отмечает, что наиболее проблематичным из этих постулатов является третий, и указывает на то, что ответы на вопрос об отношениях между ТО и ТП давались в разное время и в разных странах самые разные. В итоге исследователь предлагает следующую трактовку: «Самое важное положение в концепции Тури, с которым я вполне согласен, заключается в том, что точные параметры требуемых интертекстуальных отношений устанавливаются в ходе переводоведческих исследований определенного типа... а не задаются в начале этих исследований как априорное определение... Минимальное требование (к переводу – Д.Б.) состоит в том, чтобы текст претендовал на статус перевода и принимался в культуре переводящего языка (заказчиком и/или читателями) в качестве такового, чтобы текст считался соответствующим доминирующим переводческим нормам. Если следовать этой логике, границы понятия «перевод» в конечном счете определяются не каким-то неотъемлемым внутренним содержанием этого понятия, а тем, как представители данной культуры пользуются этим понятием»¹².

Итак, получается, что даже дескриптивно определенный перевод должен укладываться в рамки «норм», которые, согласно Э. Честерману, представляют собой некую обычную практику, о которой все знают, с которой все считаются и которую признают положительной¹³. Таким образом, несмотря на постулат об отсутствии изначально заданных требований к переводу, мы пришли к тому, что такие требования все-таки есть, только задавать их должны не некие авторитеты (что нелегко для постмодернистски настроенного исследователя, крайне остро реагирующего на все, что связано с идеей власти), а как бы сама практика выполнения переводов в данной культуре в данное время.

Идея переложить ответственность за формулировку определения перевода на существующие нормы, казалось бы, неплоха. По сути, Э. Честерман говорит следующее: если некий текст, называемый переводом, сделан примерно так, как в данное время в данной культуре люди, признаваемые обществом за профессионалов, делают переводы, то это и есть перевод. И действительно, при таком подходе отпадает множество затруднений, связанных, например, с оценкой сокращенных, украшающих и «склоняющих на свои нравы» переводов отдаленных эпох, которые, по нынешним меркам, вряд ли были бы признаны переводами, но не противоречили переводческим нормам своего времени.

Но на практике такая позиция, как нам представляется, совершенно нежизнеспособна. Во-первых, из нее следует, что в каждой культуре (что бы за этим понятием ни стояло) время от времени необходимо проводить масштабные исследования с целью выявить эти самые переводческие нормы. Просто поглядеть по сторонам, как работают коллеги, будет явно недостаточно, поскольку сделанные в ходе этих наблюдений выводы о доминирующих нормах будут сильно зависеть от профессионального окружения конкретного наблюдателя. Упрощенно говоря, переводческие нормы переводческого факультета МГЛУ, отдела локализации

¹¹ Chesterman A. Указ соч. – С. 62.

¹² Там же. С. 62–63.

¹³ Там же. С. 55.

производителя бытовой техники, и, например, безвестной конторы, поточным методом штампующей кинопереводы, могут оказаться принципиально разными.

Во-вторых – что гораздо важнее, – ориентация на нормы в таком понимании предполагает, что сам наблюдатель из переводческого и даже околопереводческого процесса исключен. Как отмечает тот же Э. Честерман, норма не обязательно противопоставлена отсутствию нормы: бывает, что в одно время в одной сфере сосуществуют и в какой-то степени противоборствуют различные и даже противоположные тенденции. А значит, выбирая то или иное переводческое решение, выставляя за перевод ту или иную оценку, нанимая или увольняя того или иного переводчика, мы сами творим те или иные нормы.

Представим себе, что переводчик X, желая скорректировать свои представления о переводе, ориентируется на опубликованный перевод переводчика Y. Тот, в свою очередь, склонен к рефлексии и прислушивается к мнению своего друга преподавателя Z, который хвалит одни студенческие переводы и ругает другие. А для Z авторитетом является тот самый X, с которым Z за чаем обсуждает свои теоретические воззрения и педагогические методы. Круг замкнулся, и тот, кто хотел бы только опираться на существующие нормы, сам оказался в числе законодателей моды.

Таким образом, поскольку мы ничего не знаем о каких-либо попытках провести в нашей стране и в наше время сколько-нибудь репрезентативные исследования «культурно признанных» переводов текстов разных стилей, жанров и тематик с целью установления доминирующих переводческих норм, а определение перевода, как было показано выше, все-таки необходимо, мы далее возьмем на себя смелость сформулировать такое определение самостоятельно. И потом, если уж заниматься переводом, при этом полностью самоустранившись из процесса нормоформирования, невозможно, то почему бы не подойти к этой роли основательно?

Весьма интересным для нашей статьи является определение перевода, предложенное В.Н. Комиссаровым в работе «Теория перевода (Лингвистические аспекты)». Мы полагаем, что в отечественном переводоведении на сегодняшний день это одно из наиболее полных, логичных и популярных определений. И все же, на наш взгляд, и оно не лишено внутренней противоречивости. Приведем довольно пространную цитату:

Задача перевода – обеспечить такой тип межъязыковой коммуникации, при котором создаваемый текст на языке Рецептора (на «переводящем языке» – ПЯ) мог бы выступать в качестве полноценной коммуникативной замены оригинала и отождествляться Рецепторами перевода с оригиналом в функциональном, структурном и содержательном отношении.

Ф у н к ц и о н а л ь н о е отождествление оригинала и перевода заключается в том, что перевод как бы приписывается автору оригинала, публикуется под его именем, обсуждается, цитируется и пр. так, как будто он и есть оригинал, только на другом языке.

С о д е р ж а т е л ь н о е отождествление оригинала и перевода заключается в том, что Рецепторы перевода считают, что перевод полностью воспроизводит содержание оригинала, что в нем передается то же содержание средствами иного языка.

С т р у к т у р н о е отождествление перевода с оригиналом заключается в том, что Рецепторы перевода считают, что перевод воспроизводит оригинал не только в целом, но и в частностях. Предполагается, что переводчик точно передает структуру и порядок изложения содержания в оригинале, не позволяет себе что-либо изменить, исключить или добавить от себя...

Таким образом, *перевод* можно определить как вид языкового посредничества, при котором на ПЯ создается текст, коммуникативно равноценный

оригиналу, причем его коммуникативная равноценность проявляется в его отождествлении Рецепторами перевода с оригиналом в функциональном, содержательном и структурном отношении. Для пользующихся переводом он во всем заменяет оригинал, является его полноправным представителем¹⁴.

При внимательном прочтении этого фрагмента можно заметить определенную двусмысленность в том, что касается отправной точки данного определения: не вполне ясно, является ли критерием восприятие рецептора или все-таки характер самого ТП? В пользу первой трактовки говорят такие обороты, как «отождествляются Рецепторами» «перевод как бы приписывается автору», «Рецепторы перевода считают». Но в этом случае сомнительным представляется ключевое положение о том, что «коммуникативная равноценность проявляется в его (текста на ПЯ – Д.Б.) отождествлении Рецепторами перевода с оригиналом в функциональном, содержательном и структурном отношении».

Ведь, строго говоря, в таком отождествлении может проявляться не коммуникативная равноценность ТО и ТП, а, например, рекламные усилия издателя. Если издатель художественного перевода сможет убедить читателей, что он издал именно произведение конкретного иностранного автора, не исказив содержания этого произведения и не изменив его структуру (а все это читатель предполагает априори, увидев на обложке соответствующую фамилию), то текст на ПЯ, конечно, в каком-то смысле станет коммуникативной заменой оригиналу, но при этом может представлять собой все что угодно: от краткого пересказа, до радикальной переделки. И в этом случае все развернутое, подробное определение В.Н. Комиссарова сведется к одной простой фразе: «Перевод можно определить как вид языкового посредничества, при котором на ПЯ создается текст, воспринимаемый Рецепторами перевода как перевод».

Думается, однако, что ученый не имел этого в виду и все же учитывал сущностные характеристики самого ТП. Такое соображение подтверждает, например, объяснение «структурного отождествления», которое начинается с модальности вероятности и заканчивается модальностью обязательности: «**предполагается**, что», «количество и содержание... **должно** совпадать», «в переводе она **должна быть**» и т. д. Но в этом случае было бы логичнее говорить не о функциональном, содержательном и структурном **отождествлении**, а о **требовании к ТП соответствовать ТО в этих отношениях** (что, в свою очередь, обеспечивало бы коммуникативную равноценность). Однако так мы начнем приписывать определению В.Н. Комиссарова то, чего в нем не было.

Идея коммуникативной замены оригинала переводом в культуре ПЯ зачастую осмысляется как предполагаемое соответствие коммуникативных эффектов, производимых ТО на носителей ИЯ и ТП на носителей ПЯ соответственно. Однако, как справедливо отмечает В.В. Сдобников, такое совпадение при переводе многих категорий текстов невозможно в принципе: «Примером может служить перевод «Геттисбергской речи» Авраама Линкольна. Речь была обращена к современникам Линкольна – американцам... и имела вполне определенную цель, определяемую историческими условиями того времени в США... Вполне очевидно, что просто невозможно ожидать от современных нам получателей перевода этой речи на русский язык той же внутренней реакции, которую явили слушатели Линкольна, собравшиеся на открытии Геттисбергского кладбища»¹⁵.

Поэтому же, кстати говоря, для наших целей не подойдет и определение перевода, данное А.Д. Швейцером, определявшим перевод как

¹⁴ Комиссаров В.Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа, 1990. – С. 43–45.

¹⁵ Сдобников В.В. Коммуникативный эффект в двуязычной коммуникации: уточнение понятия // Современные проблемы частной теории перевода. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2010. – С. 129. (Вестник МГЛУ; вып. 9 (588). Сер. Языкознание)

– однонаправленный и двухфазный процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, при котором на основе подвергнутого целенаправленному («переводческому») анализу первичного текста создается вторичный текст (метатекст), заменяющий первичный в другой языковой и культурной среде;

– процесс, характеризуемый установкой на передачу коммуникативного эффекта первичного текста, частично модифицируемой различиями между двумя языками, двумя культурами и двумя коммуникативными ситуациями¹⁶.

В первой части определения говорится о том, что перевод заменяет первичный текст в инокультурной среде, однако выше, разбирая определение В.Н. Комиссарова, мы уже отмечали, что сам факт такой замены еще не указывает на характер интертекстуальных отношений между ТО и ТП (вспомним хотя бы пересказ Б. Заходера, который вполне заменил в русскоязычной культуре две книги А. Милна о Винни-Пухе).

Во второй же речь идет об установке на передачу коммуникативного эффекта, что, как мы видели только что, далеко не всегда возможно.

Приняв в расчет все вышеупомянутые факторы, мы постараемся дать переводу более логичное определение, имеющее в первую очередь **практическую** направленность. Для начала необходимо оговориться, что мы будем определять перевод на основе сущностных характеристик самого ТП и его отношения к ТО. Можно сколько угодно говорить о том, что перевод как процесс и явление включает в себя множество культурных, социологических, психологических, юридических, коммерческих и других факторов, но они представляют интерес не сами по себе а лишь в той степени, в которой они способствуют (или противодействуют) созданию ТП с определенными характеристиками.

В то же самое время во взглядах Г. Тури и Э. Честермана и их теории переводческих норм совершенно справедливым представляется указание на изменчивость требований к переводу в различных культурах и эпохах. Поэтому мы предложим определение перевода, применимое к современной эпохе и к самому широкому ряду культур, находящихся на высокой ступени промышленно-технического развития. Мы полагаем, что уже в силу высокой интенсивности культурных, политических, деловых и прочих контактов между представителями этих культур, в том числе и осуществляемых с помощью перевода, было бы странно, если бы в понимании перевода в этих культурах существовали принципиальные различия.

Еще одно предварительное замечание касается универсальности искомого определения. Многие западные переводоведы явно или косвенно сужают область применения своих определений и теорий до перевода художественной литературы. «Прискорбно, что теорию перевода и сегодня зачастую понимают – безо всяких на то оснований – исключительно как набор теорий художественного перевода», – отмечает Э. Честерман¹⁷. С такой оценкой нельзя не согласиться и не только потому, что положения, верные только для определенного материала, не могут претендовать на статус общетеоретических. По причинам достаточно очевидным, подробно излагать которые здесь было бы нецелесообразно, перевод художественной литературы является наиболее благоприятным материалом для создания субъективных, умозрительных, даже радикальных теорий, нежизнеспособность которых было бы легко продемонстрировать, применив их к более утилитарным текстам.

У классиков отечественного переводоведения, таких как А.В. Федоров, Я.И. Рецкер, Л.С. Бархударов, А.Д. Швейцер и др., напротив, видим стремление выработать теорию перевода (по крайней мере, письменного) в целом, пригодную для описания сопряженных с переводом процессов и явлений вне зависимости от жанрово-стилевой

¹⁶ Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – С. 75.

¹⁷ Chesterman A. Указ соч. – С. 30.

принадлежности конкретного переводимого материала. Нам представляется, что этот подход гораздо продуктивнее и объективнее, и при формулировке нашего определения мы будем придерживаться именно этого, обобщающего взгляда на теорию перевода.

Весьма интересной для нашего исследования является концепция перевода Э.-А. Гутта, основанная на теории релевантности Д. Спербера и Д. Уилсон. «В свете этой концепции, перевод – это прежде всего текст на другом языке, используемый интерпретативно по отношению к тексту оригинала... Так же, как в одноязычной коммуникации, общий вывод из текстов оригинала и перевода достигается путем интерпретации их семантических репрезентаций и контекстуальных допущений, выбранных из когнитивной среды в соответствии с принципом релевантности. Этот основной принцип объясняет как сущность перевода, так и источник его верности оригиналу, поскольку перевод рассматривается как часть психической деятельности человека, основанной на релевантности и интерпретативном использовании языка»¹⁸.

Таким образом, «основным отношением между переводом и оригиналом является отношение интерпретативного подобия, которое мы, в свою очередь, определили как наличие в обоих текстах общих экспликатур и имплицатур»¹⁹. Т.е. исследователь приравнивает перевод к таким видам речевой деятельности, как пересказ, а взамен понятия «эквивалентность» предлагает «интерпретативное подобие». Однако такой подход приводит Э.-А. Гутта к выводу о том, что провести границу между переводом и «непереводом» невозможно в принципе: «По сути интерпретативное подобие выражается неким числом в промежутке от нуля совпадающих экспликатур и имплицатур до полного совпадения всех экспликатур и имплицатур. И если согласиться с этой концепцией, то у нас нет никаких оснований предполагать, что на этой шкале можно объективно установить точку, разделяющую переводы и “непереводы”... Приняв все это во внимание, мы приходим к выводу о том, что вряд ли когда-нибудь появится более или менее четкое определение перевода, которое получит всеобщее признание»²⁰.

В позиции Гутта есть один изъян: неразличение плохих переводов и (возможно, хороших) «непереводов». И, по сути, он констатирует не невозможность разграничить переводы и тексты, переводами не являющиеся, а невозможность объективно установить границу между переводом посредственным, но приемлемым и переводом неприемлемым (переводом «на “три”» и переводом «на “два”»).

И хотя Гутт, возможно, прав в том, что определение перевода, с которым согласятся все или большинство, маловероятно, мы все-таки попробуем предложить свой вариант.

Переводом мы предлагаем считать текст на переводящем языке, призванный воспроизвести максимум коммуникативно релевантной информации, содержащейся в тексте на исходном языке, с учетом ее относительной коммуникативной ценности.

Ниже мы поясним отдельные компоненты этого определения.

Сразу отметим, что определение перевода как текста, а не как процесса в данном случае принципиального значения не имеет. Мы исходим из того, что в переводоведческой литературе понятие «перевод», как правило, обозначает и процесс, и его результат и полагаем, что если переводу-тексту дается определение «X», то перевод-процесс следует понимать как «процесс, направленный на получение X», и наоборот.

Под коммуникативно релевантной информацией (КРИ) мы подразумеваем информацию, существенную для достижения целей коммуникации. При этом под целями коммуникации понимаются цели, поставленные автором ТО, о которых переводчик судит по форме и содержанию самого ТО (нетрудно догадаться, что если перед нами предостерегающая табличка, основная цель будет заключаться в том, чтобы заставить

¹⁸ Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. – М.: ЭТС, 2001. – С. 277.

¹⁹ Gutt E.-A. Указ. соч. – С. 48.

²⁰ Там же.

рецептора выполнить или не выполнять какое-либо действие, а если стихотворение – то оказать на рецептора эстетическое воздействие и т. д.). Виды межъязыкового посредничества, при котором переводчик под действием тех или иных причин меняет цель коммуникации, мы предлагаем переводом не считать, поскольку в этом случае границы понятия «перевод» расширяются до таких пределов, что это понятие теряет всякий практический смысл.

Вообще, термин «релевантный» скорее поддается интуитивному пониманию, чем строгому определению. Так, В.Н. Комиссаров неоднократно пользуется этим словом и даже определяет с его помощью буквальный перевод (как перевод «воспроизводящий коммуникативно нерелевантные элементы оригинала»²¹), но определения релевантности не дает. И даже авторы теории релевантности Д. Спербер и Д. Уилсон делают оговорку, что объективного ответа на вопрос, какая информация является релевантной (какую информацию человек отбирает для обработки), а какая нет, может и не существовать.

Однако в их интерпретации под релевантностью понимается следующее: «Есть старая информация, т.е. та, которая уже присутствует в представлениях данного субъекта о мире. Если только она не требуется для выполнения какой-либо конкретной когнитивной задачи (и при этом ее легче получить извне, чем извлечь из памяти), то такая информация не представляет ценности для обработки. Часть информации не только является новой, но и не имеет абсолютно никакой связи с представлениями субъекта о мире. К существующим представлениям ее можно добавить только в виде разрозненных фрагментов, а это, как правило, требует слишком больших затрат на обработку при слишком маленькой выгоде. А еще часть информации, являясь новой, имеет связь со старой информацией. И когда эти два взаимосвязанных информационных комплекса, новый и старый, используются в качестве посылок в процессе умозаключения, появляется дополнительная новая информация, которую нельзя было бы получить без взаимодействия старой и новой посылок. Таким образом, если обработка новой информации дает подобный эффект прироста, мы называем эту информацию *релевантной*. Чем больше прирост, тем выше релевантность»²².

Таким образом, можно сказать, что релевантная информация в переводе – это **новая для рецептора информация о содержании и форме ТУ, которая при этом имеет логическую связь с контекстом и обработка которой не сопряжена с чрезмерными затратами.**

Если вспомнить определение буквального перевода В.Н. Комиссарова, то можно его прокомментировать следующим образом. Буквальный перевод в нарушение нормы и/или узуса ПЯ передает формальные элементы ТУ, не имеющие отношения к функции данного текста. Так, например, сохранение в переводе на русский порядка слов английского предложения (продиктованного не выбором автора оригинала, а нормой и узусом английского языка) зачастую ведет к нарушению актуального членения. Можно сказать, что такое сохранение информативно, поскольку дает читателю ТП некоторое представление об особенностях английского синтаксиса, однако подобная информация коммуникативно нерелевантна, поскольку не имеет связи с контекстом и вдобавок требует от читателя ТП значительных затрат на обработку. В функции текста не входило знакомить читателя с грамматическими явлениями английского языка, да и разбираться в этих явлениях по буквальному русскому переводу было бы трудно и непродуктивно.

Можно сказать, что и это определение релевантности не дает однозначного ответа на вопрос, какая именно информация является важной для целей коммуникации, и оставляет возможность для субъективных решений. Безусловно, это так. На наш взгляд, умение отличать КРИ от нерелевантной является одним из ключевых умений

²¹ Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. – М.: ЭТС, 2001. – С. 407.

²² Sperber D., Wilson D. Relevance: communication and cognition. – Oxford: Blackwell Publishing, 2002. – p. 48.

профессионального переводчика, и на овладение им уходят годы. Если бы отделить то, что подлежит передаче, от того, что передаче не подлежит, можно было легко и однозначно, профессия переводчика не требовала бы такой высокой квалификации и машинный перевод уже давно бы вытеснил человеческий. Более того, даже профессионалы высокого уровня могут расходиться друг с другом во взглядах на относительную релевантность того или иного элемента, в результате чего появляются переводы в равной степени удачные, но различающиеся реализованными в них стратегиями.

Тем не менее наличие пространства для творчества и проявления индивидуальности не означает полного релятивизма и анархии, и, на наш взгляд, принципы отбора релевантной для перевода информации задает, например, функционально-коммуникативная схема инварианта перевода (функция – информация – форма) в сочетании с теорией языковых спектров и учетом уровня конвенциональности текста, т.е. его положения на шкале «авторское – общезыковое»²³.

Эта же схема позволяет пояснить положение об «учете относительной коммуникативной ценности» информации из определения перевода. Смысл этого положения в том, что уровень коммуникативной релевантности информации может быть различным (вспомним, что Д. Спербер и Д. Уилсон связывают его с величиной прироста информации в результате взаимодействия релевантной информации и той, что уже была в сознании субъекта). Задача переводчика заключается в том, чтобы не просто насытить перевод КРИ, но в каждом случае отдавать приоритет именно той ее разновидности, которая имеет в данном контексте наибольшую ценность.

Так, в юмористическом рассказе Джеймса Тербера *The Owl Who Was God* звери, поражаясь мудрости кратких реплик совы, принимают ее за божество. Комизм заключается в том, что все ее реплики созвучны совиному уханью, а их пронизательность, как выясняется в финале, объяснялась простым совпадением. Проанализируем два русских перевода нескольких реплик:

Оригинал	Перевод В. Казарова	Перевод И. Богданова
<p>Two ground moles tried to slip quietly by, unnoticed. “You!” said the owl. “Who?” they quavered, in fear and astonishment, for they could not believe it was possible for anyone to see them in that thick darkness. “You two!” said the owl.</p>	<p>Однажды... два Земляных Крота попытались проскользнуть мимо него незамеченными. – Дух! – сказал Филин. – Двух! Кроты зашептались, затряслись и зааикались, потому что не могли вообразить, чтобы кто-нибудь мог разглядеть их в такой кромешной темноте. – Вслух! – сказал Филин. – Ух!</p>	<p>Мимо тихо и незаметно попытались пробежать два крота. – Эй, вы! – крикнула сова. – Это вы кому? – задрожали от страха и изумления кроты. Они никак не могли поверить, что их можно увидеть в кромешной тьме. – Я к вам обоим обращаюсь! – повторила сова.</p>

²³ См., например, Бузаджи Д.М. Векторы смысла. О функциональном подходе к переводу // Мосты 3(19)/2008. – М.: Р.Валент, 2008. – С. 43–59.

<p>“How many claws am I holding up?” said the secretary bird. “Two,” said the owl, and that was right. “Can you give me another expression for ‘that is to say’ or ‘namely’?” asked the secretary bird. “To wit,” said the owl. “Why does a lover call on his love?” asked the secretary bird. “To woo,” said the owl.</p>	<p>– Скольких когтей не хватает у меня на этой ноге? – спросил он. – Двух! Ух? – сказал Филин, и это было правильно, потому что так оно и было. – А что говорит влюбленный своей возлюбленной, когда ему удастся её уговорить? – спросил Секретарь? – Уф! – сказал Филин. – Фу! – и это было ровно вдвое больше, чем требовалось. – А можешь ли ты одним словом передать радость и огорчение, надежду и безнадежность? – спросил Секретарь. – У-у-у! – сказал Филин. – Ну?</p>	<p>– Сколько лап я подняла? – спросила птица-секретарь. – Две, – ответила сова, и это было правдой. – Как можно сказать иначе «то есть»? – спросила птица-секретарь. – «А именно», – ответила сова. – Зачем любимый ухаживает за любимой? – спросила птица-секретарь. – Чтобы добиться её руки, – ответила сова.</p>
---	--	--

Как видим, переводчик В. Казаров произвел значительные изменения в фактической информации оригинала, чтобы ответы Филина фонетически напоминали ухающий звук. Переводчик И. Богданов, наоборот, полностью отказался от воспроизведения звукоподражательного эффекта и ограничился передачей менее релевантной в данном случае фактической информации. В результате рассказ в переводе И. Богданова полностью утратил логику, поскольку рецептор его перевода не может на основании реплик типа «Эй, вы!» или «Чтобы добиться ее руки» сделать вывод о том, что сова просто ухала. Таким образом, не происходит того прироста информации, о котором писали Д. Спербер и Д. Уилсон. Точнее говоря, в переводе И. Богданова прирост информации, безусловно, происходит, но ничтожный по сравнению с тем, который имеет место в переводе В. Казарова, и, более того, получаемая в результате этого прироста информация не вполне соответствует действительности, ср:

Перевод В. Казарова	Перевод И. Богданова
старая посылка (сова) + новая посылка («Вслух! Ух!») = «сова просто ухает, а наивные животные принимают ее за мудрую птицу»	старая посылка (сова) + новая посылка («Две») = «сова верно ответила на вопрос»

Чтобы окончательно прояснить нашу позицию насчет «учета относительной коммуникативной ценности» информации, добавим еще одно условие: в тексте, претендующем на статус перевода, **опущения КРИ могут быть только вынужденными**. Иными словами, задача переводчика не только в том, чтобы передавать КРИ, и не только в том, чтобы отдавать приоритет более релевантной информации перед менее релевантной, но и в том, чтобы опускать КРИ только в тех случаях, когда это необходимо для (более полного) воспроизведения более ценной КРИ.

И, наконец, мы должны пояснить использованные в нашем определении перевода слова «призванный» и «максимум». Разумеется, речь не идет о намерении переводчика, поскольку мы исходим из того, что, во-первых, намерение переводчика нам может быть неизвестно и, во-вторых, его намерение могло разойтись с результатом его работы (иными словами, мы не исключаем возможность того, что даже при желании сделать перевод может получиться «неперевод»).

Является ли ТП «призванным воспроизвести максимум коммуникативно релевантной информации», мы предлагаем устанавливать в соответствии с наличием или отсутствием в ТП регулярных и взаимосвязанных опущений коммуникативно

релевантной информации или добавлений коммуникативно релевантной информации, не мотивированной ТО.

Таким образом, наше определение нельзя упрекнуть в том, что оно является определением только хорошего перевода. На самом деле даже очень плохой перевод, согласно нашему определению, остается переводом постольку, поскольку ошибки в нем не носят тенденциозного характера и, свидетельствуя о низкой квалификации переводчика, не предполагают отсутствия намерения осуществить именно перевод.

С другой стороны, даже текст, в целом точно воспроизводящий информацию ТО, перестает, согласно нашему определению, быть переводом, если в нем последовательно искажена авторская оценка тех или иных событий, выпущены взаимосвязанные эпизоды, изменены функционально-стилистические черты произведения и т. п.

В какой-то степени и эта предлагаемая граница между переводами и «непереводами» является размытой, однако мы еще раз повторим мысль о том, что отсутствие математической точности в критериях не означает полного отсутствия критериев и неоднозначность статуса небольшой группы текстов не означает, как считает Э.-А. Гутт, невозможности принципиального отграничения переводов от других текстов, осуществляющих межъязыковое посредничество.

В заключение отметим, что наше определение снимает противоречие, отмеченное В.В. Сдобниковым и другими исследователями, указывающими на то, что постулат о равнозначности коммуникативных эффектов является следствием ошибочной веры в однородность читательской аудитории и проявлением лингвистического идеализма²⁴). Мы не делаем совпадение коммуникативных эффектов ТО и ТП основой для описания сущности перевода и не говорим о коммуникативной замене оригинала переводом. Вместо этого мы ставим (а точнее говоря, возвращаем) в центр внимания сам ТП и его отношение к ТО. Однако при этом для наших оценок мы используем не статичный и, как правило, механистический критерий лингвистической эквивалентности, а комплексную динамичную модель, в которой учитывается и тип текста, и его функциональная доминанта, и характер конкретного передаваемого на ПЯ элемента, и общая взаимосвязь между этими факторами.

²⁴ См. Chesterman A. Указ соч. – С. 35.